

Павел Владимирович
Исаев

Дуэль

Павел Владимирович Исаев

Дуэль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43202563

ISBN 9785449698834

Аннотация

Богдан Васильевич Долгорукий – опытный психотерапевт. Однажды вечером ему звонит человек с просьбой встретится лично и обсудить насущную проблему, касаемо психического расстройства. Долгорукий соглашается, даже не подозревая, в какой водоворот событий ему предстоит попасть.

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дуэль

Павел Владимирович Исаев

© Павел Владимирович Исаев, 2019

ISBN 978-5-4496-9883-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Исаев Павел

Дуэль

IP

*«Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов»*

Сергей Есенин. Отрывок из поэмы «Черный человек»

Пролог

Кабинет профессора Долгорукова был светлым и просторным. Дизайн интерьера был выдержан в стиле модерн и потому, все необходимые предметы декора были максимально органично вписаны в его пространство. Пол, укрытый деревянным паркетом, ровно наполовину был разделен белоснежно-пушистым ковролином с ворсинками, и наполовину окрашен в черный цвет, негласно намекая на «Инь-Янь». Кроме того он условно разделял территорию между пациентами и личной зоной профессора. Зона, отведенная под темный паркет, была занята широким письменным столом, удобным креслом и ноутбуком. Позади кресла – маленькая стеклянная полка, с портретом жены в деревянной рамке, и детская фигурка Багза-Банни который с легким прищуром

все так же с удовольствием держал морковку. Бидон с чистой водой, расположился неприметно по левую сторону от стола. Область с ковролином, отведенная для бесед с пациентами, могла похвастаться мягким диваном горчично-желтого цвета и величественным фикусом, расположившийся на расстоянии вытянутой руки, сбоку от кушетки. В углу стоял неприметный шкафчик с документами и книгами. Отличительной чертой интерьера была картина неизвестного художника, занимаемая большую часть одной из стен кабинета, на который был изображен внушающих размеров галеон, рассекающие густые и мрачные волны в свете полной луны. Напротив, располагалось огромное окно с широким внутренним подоконником – излюбленным местом профессора. Люстра в форме скрипичного ключа была венцом убранства кабинета. Вот и все, что окружало этот тихий и мирный уголок. Когда пациентов не было, профессор, используя подоконник, устраивался на темно-красном пледе, подаренный женой, и в зависимости от настроения (будь то чтение, сон или наблюдение) совершал выбранное им действие с полной отдачей. Осенью, как сейчас, было особенно интересно наблюдать за происходящей жизнью, вне стен офиса. Взору профессора открывалась детская площадка и часть парка, с плотно посаженными деревьями. В это время года, профессора часто захватывала атмосфера меланхолии, постоянно витающая в воздухе, вместе с голыми деревьями и частыми дождями. Наблюдать за природой и неспешным ходом жизни ему нравилось

под Вивальди и его бессмертные «Времена года», наполняющие кабинет, красивейшим калейдоскопом симфоний, звучащие из колонок музыкального центра – незаметно встроеного в кабинет. В один из дней, когда профессор находился один и был увлечен сюрреалистичным путешествием в мир грез, его бесцеремонно прервал «Lost yourself», установленный на звонке телефона. Тут же проснувшись и тихо пробурчав под нос, он достал телефон из кармана и не глядя кто звонит, сделав слайс, приставил аппарат к органу слуха.

– Да, слушаю вас, – мягким тоном ответил Долгоруков.

– Богдан Васильевич, здравствуйте! Это Андрей, помните меня?

– Андрей?

– Да, из Питера.

– Андрей... из Питера...

– Чуковский, моя фамилия. Автор книги «Подноготная серой планеты. Правда или вымысел» Мы с вами встречались на семинаре в Москве. Обсуждали потенциал лобной доли. Вам еще понравилось, мое сравнение с космосом...

– Чуковский! Точно, теперь вспомнил. Проницательный взгляд, низкий рост и отличное чувство юмора.

– Верно. Лучше и не опишешь, – со смехом в трубке, ответил Чуковский.

– Спасибо моей ассоциативной памяти.

– Это верно. Богдан Васильевич, тут такое дело... мне

нужно срочно с вами встретиться. Это возможно?

– Любопытно, а по какому поводу? Вы пишете новую книгу?

– Нет, нет. Это... личное. И не по телефону.

– А вы уверены, что вам нужен именно я?

– Другим специалистам в этой сфере я не доверяю, а вас я все-таки, пусть не близко, но знаю лично. К тому же... ваш опыт и знания стольким помогли, что грех будет не воспользоваться вашей помощью.

– Что ж, спасибо за лестные слова Андрей... простите как ваше отчество?

– Станиславович, профессор.

– Точно, точно. Что ж, ну, раз такое дело... тогда я буду рад вас принять. У меня как раз в это время затишье, и поэтому смогу выделить вам, надеюсь, достаточно времени.

– Спасибо, Богдан Васильевич! Огромное спасибо! Это большая удача! Что ж, тогда... я надеюсь приехать к вам завтра к обеду. Вас устроит?

– Вполне. Вполне устроит. Тогда завтра к обеду. Добро.

– Ну, тогда до встречи. Спасибо еще раз.

– До встречи, – ответил профессор и услышал в трубке короткие гудки.

«Интересно, с чем же этот Андрей завтра явится?» – спрашивал себя Долгорукий. Но развивать эту мысль не стал. Состояние дремоты возвращалось к нему с молниеносной си-

лой, а начавшийся мелкий дождь еще быстрее вовлекли профессора в сон. Смутное очертание детской площадки и верхушек деревьев было последним, запавшее в память, прежде чем профессор вновь начал покорять мир снов.

Глава 1

На следующий день, в районе двух часов пополудни, профессор Долгорукий, как обычно это бывало, сидел на широком подоконнике своего кабинета и был погружен в чтение. Выбор его пал на современного французского писателя – Бернара Вербера и его роман «Завтрашний день кошки».

Одет он был в классический белый халат, покрывающий бирюзовую рубашку и такого же цвета брюки. Коричневые туфли и очки с тонкой оправой, завершали образ Богдана Васильевича. В свои шестьдесят девять он выглядел явно моложе своих лет и был, что называется «в тонусе». Стройный, с короткой стрижкой под «ежик». Ему легко удавалось находить общий язык с разным уровнем культурного наследия, из-за чего в среде молодежи его уважали и часто ходили к нему на прием. Богдан Васильевич Долгорукий был известным клиническим психотерапевтом, специализирующийся на когнитивных формах. За свою почти сорокапятилетнюю карьеру он смог обрести внушительный авторитет как среди коллег в странах СНГ, так и за границей, куда его часто звали с лекциями известные зарубежные университеты, среди которых были Оксфорд и Гарвард. Долгорукий занимался частной практикой по профессии, в подмосковном санатории. Обосновавшись на пятом этаже, в одном из немно-

гочисленных зданий, построенных при царской России, расположенных на территории здравницы. Работу свою любил и всегда был готов оказать максимальную помощь. Вот и сегодня, несмотря на пятницу и укороченный день, Богдан Васильевич был готов принять, пусть плохо ему знакомого человека, но отказать в просьбе о встрече не мог. Клятву Гиппократу всегда старался соблюдать.

В кабинете как всегда было светло и уютно. Классические симфонии Моцарта, льющиеся из динамиков, погружали кабинет в состояние легкой нирваны, создавая удивительный эффект спокойствия. Спустя несколько минут в дверь постучали. «Одну минуту», воскликнул Долгоруков. Дочитав до точки и разместив закладку между главами, профессор закрыл книгу, положив ее на полку к остальным. Встав, поправляя очки и халат, Долгорукий направился мягкой походкой к двери, попросив войти. Та бесшумно отворилась и на пороге появился средних лет мужчина. Выглядел он точно так же, каким профессор его запомнил в последний день их встречи, около полугода назад. Низкого роста, темные волосы челкой спадающие на глаза, круглое, добродушное лицо, обычное телосложение. На нем была легкая потертая джинсовая куртка, надетая поверх белой футболки, черные джинсы и, выдавшие виды, белого цвета, кроссовки Nike. Небольшой рюкзак через плечо черного цвета, завершал простой, но вполне стильный, образ гостя. Переступив порог с легкой улыбкой на лице, человек протянул руку

и мужчины обменялись крепким рукопожатием.

– Рад видеть вас, профессор, – произнес с нескрываемым удовольствием Андрей.

– Взаимно, взаимно, мой юный друг, – так же тепло ответил Долгорукий, – прежде чем мы начнем, снимите пожалуйста, обувь. Этот ковер способен творить чудеса. Сами в этом скоро убедитесь, – все с той же улыбкой продолжал Долгорукий, указав мимолетным жестом на ковер.

– Конечно, конечно, – протараторил Чуковский, и снимая кроссовки, обратил внимание на аккуратную полочку для обуви, расположенную около входной двери. Положив их на место, он выпрямился и мимолетно осмотрел кабинет.

– Что ж, теперь, пожалуйста, присаживайтесь, – указывая на софу предложил профессор, – почувствуйте себя как дома, но...

– Помните, что вы в гостях, – закончил за него фразу Андрей, садясь на диван горчичного цвета.

– Именно так, – все еще улыбаясь ответил Долгорукий, – я только выключу музыку, и мы с вами поговорим.

И профессор направился к своему письменному столу.

– Конечно, без проблем. Уютно тут у вас, – оглядываясь по сторонам заметил Чуковский.

– Спасибо. Это все благодаря моей жене и дочери. Они оба дизайнеры, вот и сварганили мне такую берлогу. Как правило, людям тут уютно. Надеюсь, вы не будете исключением, –

и с этими словами, нажав на кнопку пульта в столе, музыка исчезла.

– Что ж, – продолжая оглядываться, – судя по всему, до исключения мне далеко.

– Вот и хорошо.

Вновь поправив очки и устремив взгляд прямо на собеседника профессор произнес.

– Итак, слушаю вас. Я весь во внимании.

– Кхм..да, – прокашлявшись, Андрей продолжил, – я как и вы не люблю попусту тратить время, поэтому перейду сразу к делу. Но в начале стоит рассказать предысторию, дабы свести ваши вероятные вопросы к минимуму. Постараюсь это сделать вкратце, однако заранее предупреждаю, что я могу увлечься.

– Без проблем.

– И заранее оговорюсь, что буду делать сноски, на несколько лет назад, дабы у вас сложилась полное представление.

– Как вам угодно – все с той же улыбкой ответил Долго-рукий, – вещайте!

– Эта история началась семнадцать лет назад, в Петербурге. В то время, будучи двадцатичетырехлетним, мне удалось устроиться практикующим психологом – помощником, к одному из тогда известнейших психотерапевтов России – Крамарову Виктору Сергеевичу. Он был одним из совладельцев

новой, частной клиники, попасть на работу в которую, в то время было большой редкостью. Да и сейчас, если честно тоже. Туда я смог устроиться с помощью моего дяди. Он работал водителем скорой, в одной из таких клиник, и знал, что в подобные места требовались интерны. Он же и предложил мне сходить в ту, где работал сам, мол, чем черт не шутит. Четыре года назад, когда мне было двадцать, я только что закончил университет, по специальности педиатрия. Мы к тому времени, я со своей женой, воспитывали нашу дочь. Ей только исполнился год. Вначале, продолжая учиться и живя в общежитии, нам помогали наши родители. Однако, завершая учебу и прекрасно понимая, какая на меня ляжет ответственность, когда я стану папой, а моя семья при этом будет без денег, я срочно принялся за поиск работы. Долгое время меня никуда не хотели брать по специальности. Была возможность только в качестве интерна. Вам не хуже меня известно, что у них мизерная оплата и они вынуждены сутками пропадать на работе. Меня это не устраивало, поэтому продолжал искать работу дальше. К моменту, когда мне уже исполнилось двадцать четыре, я перепробовал множество профессий, от официанта до заведующего магазином офисной мебели, но так нигде и не смог задержаться надолго. Вариантов найти работу по специальности не было вовсе. Вскоре я уже начал было отчаиваться, как вдруг меня и выручил мой дядя. Мне, конечно, была известна разница между частными предприятиями и государственными. Платили

там на порядок больше, да и график был свободней. И хоть это в который раз была вакансия интерна... в совершенно другой области знаний... поговорив с женой, мы оба решили, что это мой шанс и нужно им воспользоваться, во что бы то ни стало. Таким образом с помощью удачи и связей, я смог туда устроиться. Скажу сразу, что несмотря на устройство по блату, мне понравилась область психологии и я честно старался стать хорошим врачом. Мне нравилось и нравится приносить пользу людям и надеюсь, что продолжу это делать в дальнейшем.

Андрей на мгновенье замолчал, всматриваясь в панорамное окно.

– Уверен, вы абсолютно искренни в своих словах, – прервал молчание Долгорукий, не сводя глаз с собеседника.

– Да, спасибо, – вновь обретя себя, ответил Чуковский, – На чем я остановился... ах да, работа практикантом. Крамаров был зачастую строг, но это даже пошло мне на пользу. Я многому у него учился и старался оправдывать его доверие, когда заботу о пациенте он поручал мне, пусть и под своим пристальным присмотром. Меня это здорово нервировало, но оглядываясь назад, понимаю, что это было верное решение. Недалекость увя, частый спутник молодости. Мне удалось проработать с ним всего лишь год, когда его здоровье сильно пошатнулось и его место стало вакантным. Замену нашли ему довольно быстро, и спустя неделю, его место за-

нял Антон Павлович Шкуренко – психотерапевт с большим опытом из Ростова на Дону. Ему было слегка за пятьдесят и с ним мы быстро поладили. Однако...

Чуковский вновь на пару секунд прервался. Его горло требовало прохладительной жидкости, которая вскоре остудила его разгоряченные связки, после того, как Андрей достал бутылку «Вонача» из своего рюкзака и сделав пару глотков, заснул ее обратно. Долгорукый тем временем, скрестив руки над столом, молча продолжал всматриваться прямым взглядом в своего собеседника, внимательно слушая. Прокашлявшись, Андрей продолжал...

Однако в ту неделю, когда Краморова уже не было и ему искали замену, вся ответственность за пациентов лежала на мне. Благо, их было всего четверо, а работать с их диагнозами, при моем объеме знаний на тот момент, я все же мог. Один из них страдал алкогольной зависимостью, а трое других (среди которых была молодая женщина) были неврастениками. В первые дни все шло как обычно: я проводил с ними n-ое кол-во часов, мы беседовали, ходили на прогулки. Следил за их состоянием, делал записи и советовался с другими докторами. И вот наконец, наступила среда...

Андрей умолк, устремив взгляд в пол. Его, казалось, вполне свежее, пусть и уставшее лицо, постепенно утрачивало

нотки своего обладания, а его взгляд, после бродилок коридорами памяти из ясного, превратился в рассеянно-туманный. Молчание затянулось дольше прежнего.

– Наступила среда, и что ж? – с заинтересованностью спросил Долгорукий.

– Да, среда... – вяло повторил свои же сказанные слова Чуковский. И... в тот день я проснулся как обычно и... – возвращаясь к своей былой речи продолжал Андрей, – занялся утренней рутинной. Да, забыл сказать... в ту неделю я полностью остался на проживании в клинике. Жену это не радовало, но, она понимала мое положение, так что... и вот... сделав утренний обход пациентов и собираясь, заняться чем-то своим, ко мне подошла Варвара Николаевна – наша медсестра, и обеспокоенным голосом сказала, что на рецепцию пришла мать с ребенком. Что на матери нет лица, и что... она бледная до жути. Но пришла не ради себя, а из-за сына. Ему на вид годи-ка четыре... такой же бледный, как и его мать. Я ответил ей благодарностью, за то, что она так своевременно разыскала меня и попросил, чтобы она передала мое сообщение, чтобы те ждали в кабинете Крамарова. Я же, перед встречей, направился в уборную, чувствуя, что сердце отчего-то у меня не на месте.

И вот, входя в кабинет, я впервые тогда увидел их вместе.

Мать, как и описывала Варвара Николаевна, была действительно вся бледная. С виду ей было около сорока, стройная, блондинка. Лицо выражало сильную тревогу. А затем, я увидел Максима. Сына. Мальчику и впрямь на вид, было около четырех лет. Он был тоже стройным и постоянно смотрел в пол. Его взгляд ничего не выражал. Он также был бледен и, казалось... чем-то подавлен.

Мы представились друг другу, а затем Виктория Игоревна... его мама, поведала мне их историю.

Оказалось, что месяц назад в их доме произошла трагедия. В целях самозащиты... так вышло, что она убила отца Максима. Его родной отец погиб в авиакатастрофе, за три месяца до рождения сына. Последние полгода они... т.е Виктория и отчим, жили вместе в ее квартире. Он часто напивался и приходя домой, устраивал скандалы по поводу и без. У них возникали ссоры, нередко с рукоприкладством. В один из таких дней, он пришел раздраженным и был пьян сильнее прежнего. Это был поздний вечер, когда Максим с мамой находились на кухне. Вскоре разразился скандал, снова дошедший до рукоприкладства. По ее словам, сначала ей доставались сильные пощечины, а затем, дабы заставить ее замолчать от криков, он начал ее душить. Защищая себя, Виктория, взяв кухонный нож, всадила его со всей силы в яремную вену отчима. Кровь, хлынула во все стороны, вытекая с молниеносной скоростью под сильным давлением. Удар оказался смертельным. Отчим, находящийся над ней,

мгновенно потерял сознание и ослабив хватку, рухнул всем весом прямо на нее и в считанные минуты, потеряв много крови, умер на кухонном полу. Виктория, освободившись из-под тела, будучи в состоянии сильного шока и аффекта не сразу обратила внимание на сына. А когда все же обратила, чуть не упала в обморок. Максим, полностью, с ног до головы, облитый кровью, как ни в чем не бывало, продолжал есть остывший суп. Позвякивая ложкой о тарелку, в то время как густые капли красной жидкости, медленно собираясь на его лбу и ресницах, превращаясь в тягучую массу, неспешно капали в его тарелку.

Глава 2

Чуковский сделал паузу и вновь достал минералку из рюкзака. Его горло напрочь пересохло.

– Интересное кино получается. Такое поведение мальчика явно свидетельствует о нарушении психики. И при чем нарушении, происшедшее с ним, явно много раньше этого случая. Да, это интересно... есть пара мыслей... пожалуй, запишу-ка я их, – как бы про себя и в тоже время обобщенно сказал Долгорукий, воспользовавшись паузой Чуковского. И тут же, открыв электронный блокнот, начал записывать свои мысли. Тишину пространства еле слышно наполнил тихий звук пальцев, бегущих по клавиатуре.

– Это было только начало, профессор.

– О, не сомневаюсь, дорогой Андрей Станиславович, – с легкой усмешкой не отрываясь от экрана, ответил Долгорукий, продолжая печатать, – Случай, как я уже сказал – интересный. У него могут быть любопытные корни. Это редкость. Вы были правы. Что ж, – напечатав последнее слово, Богдан Васильевич откинулся на спинку кресла и взглянув на собеседника бросил коротко:

– Продолжайте.

– Тот вечер вопреки желанием кажется, навсегда останется в памяти Виктории. Была вызвана милиция, составляли протокол, она давала показания... сильный стресс... Ну, сами понимаете. Перед тем как их вызывать, она, насколько могла, пришла в себя и тотчас же бросилась к Максу. В тот момент времени она не могла отдавать себе отчет о своих действиях. Взяв сына на руки, первым делом отнесла его в ванную, где дрожащими руками смывала с него кровь отчима. Даже не могу представить, что творилось у нее в голове тогда... помню, в тот момент я подумал о своей дочке и жене. Поставил себя на место Виктории... Признаюсь, я был растерян.

– Это вполне естественно. Все мы переживаем за своих близких и всегда принимаем близко к сердцу любой негатив, проявленный к ним, – твердым голосом сказал Долгоруков.

– Вы правы. Что ж, я слегка, отклонился от темы... целью ее прихода была просьба осмотреть мальчика. Рассказанная с ее слов история, меня на удивление, сильно зацепила, хоть я не считал, и не считаю себя слабохарактерным. По ее мнению, и тут я с ней согласен, и думаю, что вы тоже, тот факт, что его поведение после данного инцидента не вызвало никаких нареканий, был как минимум подозрителен. Будто, ничего и не было. Я сказал, что конечно помогу. Мысленно взяв себя в руки, я начал с ним диалог. Вопросы о слу-

чившемся, конечно, я ему не задавал. Учитывая ситуацию, я ожидал, что он...

– Будет замкнут, – сыграв на опережение, закончил в этот раз фразу Долгорукий.

– Именно! – удивленно воскликнул Чуковский.

– Но он таковым не был.

– Не был! Совершенно верно! – с еще большим восторгом почти выкрикивая отвечал Андрей. Он был...

– Вполне адекватный, учитывая ситуацию, и охотно отвечал на ваши вопросы, полагаю...

– Вы будто в воду глядели... п....профессор, – запинаясь отвечал его собеседник.

– Ничего мистического мой друг, – с легкой улыбкой отвечал Долгорукий. Я располагаю богатым опытом, и на его основе могу строить некоторые догадки. Только и всего.

– Это верно. не подумал.

– Ну-с...и что же? Диалог прошел хорошо?

– Да. Хорошо. Он... Макс отвечал спокойно, может... немного неуверенно... скованно... но его ответы не вызывали во мне какие-либо опасения на его счет.

– О чем же вы беседовали?

– О разном.. спрашивал как у него дела, чем он любит заниматься, как проходят его дни, какие у него отношения с друзьями, мамой... его ответы были просты и естественны. Ни тело, ни жесты, ни мимика лица не выражало какого-либо протеста против его слов. Все было в самой обыкновен-

ной норме.

Собеседник снова взял короткую паузу, нервно потирая костяшки ладоней.

– А вы, оказывается, наблюдательны, мой друг, – вновь прервал паузу профессор. – Не каждый психолог, особенно в стрессовые моменты способен к анализу человека, оттачиваясь от полотна, которое описывает перед вами язык его тела. Хвалю.

– Спасибо, – с легким смущением ответил Андрей, – Наша беседа с Максом продлилась минут пятнадцать. Я был вынужден констатировать Виктории, что несмотря на странное спокойствие ее сына, учитывая обстоятельства, он не вызывает никаких признаков беспокойства. Все мы переносим стрессы по-разному и вполне вероятно, Макс из той редкой категории, чья защитная система, решила каким-то образом оградить его от негативного влияния извне. Однако, исходя только из благих намерений, я все же порекомендовал Виктории записать Макса на двухнедельный курс к нам в клинику. Дабы быть уверенными, по окончании курса, что у него нет никаких проблем и его здоровье цело и невредимо. Она с радостью согласилась на мое предложение...

Монолог прервал незаметно подкравшийся дождь, и теперь тихо стучась в окно, становился невольным соучастни-

ком и слушателем одновременно.

– Красивый у вас вид из окна.

– Согласен. Природа всегда действует успокаивающее. Какие бы тревоги нас не терзали.

Андрей в ответ лишь молча кивал.

– Как же прошел двухнедельный курс? Вы смогли разгадать этот ребус?

– О нет. Тогда мне было это не под силу. Этот курс никак не приблизил меня к отгадке. Конечно же, с ним беседовал не только я. Шкуренко, вскоре занявший пост, так же провел с ним несколько встреч. Для него было очевидно, что защитная реакция организма просто – на просто выключила этот эпизод из его памяти, не подвергая мозг и его владельца сильному риску. В напряженных ситуациях наш мозг нередко берет контроль на себя, и мы не в состоянии сознательно отреагировать на эти действия. Все, что нам достается – побочный эффект в виде краткой амнезии.

– А гипноз не думали использовать?

– Максим оказался не гипнабельным. Так, что это оказалось лишним. Я же, не был согласен с точкой зрения Анто́на Павловича, но никакой другой теории у меня не было. Во всяком случае на тот момент...

Сказав это, Чуковский вновь потянулся к рюкзаку, но вспомнив, что он уже выпил всю бутылку передумал, и подавшись немного вперед, скрестив пальцы, положил их к себе на колени.

– Что вы имеете ввиду?

– Видите ли... тот двухнедельный курс прошел, что называется без сучка без задоринки. Максим за все время ни разу не дал усомниться в его словах. Будто никакого происшествия не было вовсе, а мы просто... его новые друзья.

– Но ведь мальчик уже понимал, что он находится у вас из-за инцидента? Вы же не могли уже игнорировать наличие этого факта.

– Вы правы. Однако, каждый раз, когда заходила об этом речь, то Максим просто... не мог вспомнить этот момент. На этом и была построена впоследствии теория Антона Павловича, что его организм в качестве защитной реакции использовал амнезию и наложил вето на этот фрагмент памяти. Макс не помнит этого инцидента. Его воспоминания хранили лишь информацию о том, что они ужинали, а затем – пустота. Лишь на следующий день его память вновь функционировала как обычно.

– А как мальчик отреагировал на смерть отчима?

– Спокойно. Не горевал точно. Отчим жил с ними около года... он не сильно старался познакомиться с ее сыном. Их отношения были на большом расстоянии друг от друга. Поэтому... опять же, учитывая его возраст – такая реакция вполне естественна.

– Соглашусь. Тем не менее любопытный случай... Что же происходило дальше? Вы говорили, что у вас появилась другая версия для описания происшедшего. Верно?

– Да, но это произошло много позже. Спустя десять лет, когда я вновь увидел его в больничной койке... однако, после пробуждения это был не он.

– В каком смысле?

– У него... по его же словам.. было другое имя, говорил совершенно иным, взрослым я бы сказал голосом, и что самое поразительное... перемены в его поведении и даже организме, вызывали шок.

– Что вы имеете в виду?

– Группа крови, давление, манера поведения, голос, жесты, походка и даже... до сих пор самому не верится... цвет его зрачков... полностью изменились.

– Вы хотите сказать, что он...

– Именно... дрогнувшим голосом выговорил Андрей... исчез. Максим исчез, а вместо него появился некто... с куда более... иным отношением к жизни... как выяснилось... Это можно было объяснить только...

– Диссоциативным расстройством личности, – подыто-

жил Долгорукий.

Глава 3

Кафе «Сияние» уютно расположилось между Невским и Владимирским Проспектом. Заведение пользовалось большой популярностью, как среди местных жителей, так и туристов. Небольшой размер популярного кафе, компенсировал яркий творческий подход в плане декора и stand-up выступлений. Кроме того, это место считалось излюбленной территорией для фанатов интеллектуальных игр. В частности монополии и мафии. Популярности «Сиянию» добавляли дружелюбный и молодой персонал, который всегда был «в теме» и относился к посетителям с максимальной лояльностью. А учитывая постоянно пасмурную погоду Санкт-Петербурга, такому месту как это, где всегда тепло и приятно находится, не было равных.

Густой туман с самого утра окружил город непроглядной моросью и сыростью. Ксения надеялась, что хоть в воскресенье, людям не захочется вылезать из своих теплых постелей, чтобы одеться, и затем пройтись по промозглым с ночи улицам, только ради того, чтобы зайти в «Сияние» и купить себе фирменные пончики с воздушным вишневым джемом и ароматной корицей, заказав к ним свежесваренный кофе, который может посоперничать с любым старбаксом в мире. Но преступив порог, она поняла, что все ее надежды до сих пор живы и удача, если можно было так выразиться,

учитывая обстоятельства, улыбнулась ей. В кафе от силы было пять человек. Атмосферу тусклого утра развеивал легкий джаз, а запахи свежей мяты из только что сделанного мохито, успев мимолетно зацепиться за обоняние Ксении, вызвал у нее проблеск печальной улыбки. Заняв свое любимое место, в глубинке кафе близ окна, и заказав эспрессо, Ксения, достав из сумочки планшет, погрузилась в чтение «Не навреди» доктора нейрохирурга Г. Марша, дабы хоть как-то отвлечься от нервного ожидания, из-за происшедшего скандала накануне, перед встречей с Игорем Ефимовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.